

ЛИЧНАЯ

Виноградова Мария

Неугомонная, прямо-таки запыленная Зоя из шукшинской «Калины красной», до уморительности «взаправдашняя» Марго у Губенко («Из жизни отдыхающих»), мать «Грачей», домохозяйка с курицей в «Гараже», буфетчица... О, этих столько было, что одну выделить — несправедливо! А кастелянши-ревизорши, девчонки и мальчишки, бабушки и Ежик в тумане... Мои подсчеты ее ролей близлись к тысяче, когда баба Муся (Муха, Мусенька — то есть актриса Мария Сергеевна Виноградова) слегка меня притормозила:

— Ну, если уж полный список составлять, то, кроме мультяшек и радио, надо дубляж, озвучание. Так что тысячи три верных наберется. Я ведь безработной даже при малокартинье так называемом после института не была, по две смены лет пятнадцать, наверное, крутила.

Меня за борт и перестроечное кино не выкинуло, года три последних — буквально на разрыв. В «Бабочках» у Малюкова соседку-еврейку сыграла, и актеры, фильм видевшие, — театральные даже! — уверяют, что я там очень неожиданная.

У французов в «Последнем трамвае» очень мне роль была интересна, в «Полицейской академии» мафиози какую-то играю, с пистолетом бегаю. Режиссер и звукооператор очень хвалили: «Как хорошо Мария Сергеевна говорит, записывать ее — просто удовольствие!»

Все равно текст «от себя» — нет, в рамках характера, конечно, продумываю, прикидываю заранее: в характере ли будет. Если режиссер с моей импровизацией соглашается, тогда и чувствую я себя в кадре очень хорошо — у меня болезнь, наверное, уже на этой «почве», я без собственных добавлений не могу.

Импровизировала я еще у первого своего режиссера, Льва Владимировича Кулешова в «Сибиряках» — он очень с пониманием относился к этому. Но по-настоящему прелесть такой работы ощутила я только в «Калине красной» у Василия Макаровича. Он меня в дипломной работе по своему рассказу «Одни» у Лени Головни увидел, расспрашивал, где я работаю, откуда. Потом, правда, долго ни ответа, ни привета. Забыл, думаю. А он на «Калину» вдруг позвал. С Лешей Ваниным репетируем, они с Заболоцким за камерой стоят. Василий Макарович (поначалу я его Василием Макаровичем звала, потом уж Васей) сурово так ко мне приглядывается. «Василий Макарович, — говорю, — я под вашим взглядом как-то очень... тесно себя чувствую... боюсь». А он: «Так-так-так, Муся, главное, чтобы все «туда» шло, в глубину». И все, что я на репетициях насочиняла, в фонограмме оставил.

Работать с ним было сплошным удовольствием! С «Калины», наверное, и начался для меня «спрос», роли настоящие предлагать стали, характеры. Вообще-то я всегда себя актрисой комедийной считала. Но всю жизнь хотела сыграть что-то трагикомедийное. Не получилось. Зато если всех моих Зой, Нюр в единый характер собрать, как раз и будет, о чем мечтала.

Пронсхождением своим и сутью она из самой, можно сказать, сермяжной, сердцевинной российской глубинки.

— Есть такой чудный городок на Волге — Наволоки, племянницы мои там, все вот собираюсь съездить. У дедушки был там собор свой, но папа после революции из семьи ушел, на фабрике мальчишкой начинал, дошел до мастера, мама простой работницей была. Так что происхождением своим рабоче-крестьянским, как говорится, горжусь. Нас в семье было одиннадцать человек: Захар, Георгий, Марья вот... Голод, правда, всего четверо пережили. Все равно я молодежь нынешнюю иной раз не понимаю: того им дайте, этого не хватает. Нам летом вообще раздолье бывало: грибы, ягоды, травки всякие, рыба. Когда папа меня в Совет после рождения регистрировать пошел, мама просила Аллочкой записать, а он вот Машенькой «записал». И не стало в советском кино артистки Аллы Виноградовой!

Не-е-ет, Дуся и Маруся Виноградовы, ткачихи-ударницы наши ивановские, ни на имя мое, ни на судьбу влияния не оказали — они же позднее были. Мусей меня сестренка звала. А потом я уже во ВГИКе так представилась. На «Мосфильме» меня — за

Мария ВИНОГРАДОВА:

НИКОГДА НЕ ЖАЛЕЛА О ВЫБРАННОЙ СУДЬБЕ

веселый нрав, наверное, — больше «Мухой» звали.

Знаете, когда я на сцену первый раз вышла? В детском садике стихотворение про Ленина выучила и меня — вот не смейтесь, как сейчас все помню: трехлетнюю, махонькую такую, с бантом громадным, две руки занавес вот так раздвинули и на народ выставили. Всю жизнь ощущение праздника помню, внимания ко мне. Если хотите, поклонения! Потом у нас церковь закрыли, и я хор из взрослых мужчин и женщин — певчие все в клуб перешли, хор у нас хороший был — альтом запевала: «Орленок, орленок...», «Каховка, Каховка...»

У меня же во ВГИКе потом колоратурное сопрано обнаружили. Я при поступлении очень Льва Владимировича — он председателем приемной комиссии был — несовпадением своих внешности и голоса удивила. Я на прослушивание в талочках таких прорезиненных пришла, в шляпке, с сумочкой — ну, «вся из себя» под Франческу Гааль. Тогда «Маленькая мама» невероятно была популярна. В коридоре меня две красотки длинноногие «ос-смотр-р-рели». «Бесприданницу» сколько раз видела уже не помню, но когда слезы над Ларисой лила, думала: «Вот стану артисткой, играть буду только женщин на баррикадах!»

Захожу в класс, там Хохлова с собачкой масенькой на руках, Свердлов, композитор Дзержинский. «Что вы нам почитаете?» — «Стихи о советском паспорте!» Начинаю. «Стоп, стоп». Начинаю «Легенду о Данко!» Опять: «Стоп!» Все, думаю, не нужна я тут в своих талочках. А Кулешов: «Спой нам, пожалуйста, «Кукарачу». «Я, — говорю, — слов не знаю». — «А

ты без слов. Станцевать можешь». Ну, я аккомпанирую: «Вы, наверное, не знаете. Тогда я сама». И как выдала! Хохлова с собачкой встала, смотрит, как я ногами выкручиваю, смеются все. «Все, — думаю, — пропало!» А Хохлова: «Вот тебе этюд на сообразительность: ты утром в альпинистском лагере обуваешься, а в сапоге — змея, ты сапог переворачиваешь, а оттуда... часы выпадают». Сыграла я все это и до позднего вечера в коридоре извела вся. Женщина-секретарь выходит: «В общем, взяли, ну, маленькая такая, черненькая. Виноградова». Ка-а-а я себя мимо красоток этих понесла!

«Стремительная, гибкая, словно маленькая шаровая молния, она мастерски поддается гротеску, являя нам характеры неожиданные и узнаваемые, запоминающиеся и типичные... Дарование ее все возрасты покорны». — Это — из единственной, если не ошибаюсь, заметки об актрисе Виноградовой, появившейся лет пять назад. А ведь мастерскую Григория Львовича Рошала во ВГИКе она окончила в 1943-м!

— Институт я окончила с отличием. Поначалу Главк — Кулешов постарался! — за комнатку при студии Горького (она тогда «Союздетфильм» называлась) платил, потом, когда нас в театр киноактера всех объединили, перестал. И поехала я в Потсдам, в театр Группы советских войск. Нет, работа дома была: в театре с Мордюковой двух цыганок играли, Игорь Савченко снимать меня хотел. Но я же по вокзалам нечевала или на диване у начальника актерского отдела. Я всю Москву на трамваях исколесила: вечером садилась и по кругу. Но даже тогда я о выбранной

ЖИЗНЬ

1.06.94

судьбе ни единого момента не жалела!

На курсе у нас Юткевич преподавал, Оленин, Львова из вахтанговского, Сахновский. Я педагогам своим безумно благодарна! И все-таки, своим главным учителем считаю я Николая Сергеевича Плотникова. Он к нам на курс пришел после первого экзамена, и потом судьба моя с ним была связана больше десяти лет: ВГИК, театр киноактера, в Потсдаме театр. Поначалу он, правда, во мне травести только видел — я же маленькая такая, щупленькая была. А потом я у него двадцать восемь ролей в театре сыграла: Шурку в «Егоре Булычове», Любу в «Свадьбе с приданым», старух каких-то, мальчишек, негритянку — все характерные роли мои были! Он меня научил самостоятельно работать. Репетируем, например, «Детей Ванюшина» — Леночку я там играла, он говорит: «Вот если чувствуешь, что роль не идет, «не твоя», находи местечко такое в роли, которое в человеческом твоим характере будет. И от кусочка этого малюсенького можешь к следующему «отепленный» такой мостик перекинуть, потом к следующему. И вся роль будет твоей». Я много раз это проверяла. Так что и леди Макбет сыграть могу, и Дездемону.

В 53-м она вернулась на «Мосфильм». И началась судьба ее, полная несовпадений: казачок Васька в экранизации «Нахлебника» и гордый, надменный Звездный Мальчик — тоже в экранизации, но Уайльда; Удита в «Вольнице» и муравьишка-хвастунишка, щенки, лисята в мультфильмах; Хорошавка в «Воскресении» и... Лол-лобриджида в «Соборе Парижской Богоматери», Одри Хепберн — Наташа Ростова, подруга Спартака Вариния в «суверколасе» Стенли Кубрика, венгерские звезды шести-семидесятых Ева Руткан и Мари Тёречик — «за кадром», так сказать, на дубляже.

— В то время «моими» самые крупные заграничные звезды были. Но все равно я ежиков своих и щенков, медвежаток, очень любила и люблю! Знаете, как у Ежина в тумане его интонации появились? В них ведь и домашность, уютность, и загадочность какая-то должны были быть. Мы долго с режиссером искали, а в это время у нашего ежика на даче масенькие такие ежатки появились, я их в коробочку положила, а утром смотрю, они так по кругу друг за дружкой, носик к хвосту лежат и «пикают». А помните, когда у нас сосиски в облатке появились, мы как-то не сразу сообразили, как от нее избавляться? И вот на студии Горького вижу звукооператора одного — мучится, зубами пытается целлофан этот: вжик, вжик-ик. А я как раз Шарика в «Котенке по имени Гав» играла. И звукооператора этого вспомнила. Шарик и заговорил: «са-асись-с-ка». Я и на радио, и в мультфильмах с Георгиевской работала, с Понсовой, с Алешей Консовским. И очень многому у них училась. Знаете, с кем я первого своего Котенка играла? С Рубеном Симоновым! Он — Кот, я — Котенок. И стоим мы с ним перед микрофоном, урчим, мяучим. Смотрю: мы с ним... хвостами во всю вертим!

Даже пытаться не буду перечислять режиссеров, с кем М. С. работала. Категория «высшая-высшая» по оплате съемочного дня — у нее с незапамятных времен. Звание же заслуженной артистки РСФСР получила лишь в 88-м. Как уверяет, «совершенно случайно». Во всяком случае, ни к ее юбилею, ни к торжественно-коллективным спискам, популярным в года застоиные, приурочен указ не был.

— Мы с Лидией Николаевной Смирновой в одном спектакле были заняты. И она мне говорит однажды: «Муха, мне же стыдно с тобой, у тебя звания-то нету! Организуем». Оказывается, звание тоже «организовывать» надо, «толкать». А я не умею этого. Для начала звание, может, и имеет значение, а я думаю, человека работа характеризует. Я вот у Саши Панкратова — который Черный — снималась, так где бы с ним ни появлялась, он представлял меня: «Самая народная незаслуженная артистка СССР». Приятно было, конечно, что в Белый дом позвали, грамоту вручали, цветы, фотографировали. А мне хорошо, что любимая работа у меня до сих пор есть.

Монолог записал и прокомментировал Геннадий СУХИН.